

84(2=632.1)

A-285

Арсжан Агаров

Слово, сказанное людям

Аржан
Агаров
Слово,
сказанное
людям

СТИХИ

Перевод с алтайского

23

МОСКВА. СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ. 1985

84(2=632.1)6-5

Адаров А.

А 285 Слово, сказанное людям: Стихи. Пер. с алт.-
М.: Советский писатель, 1985.— 96 с.

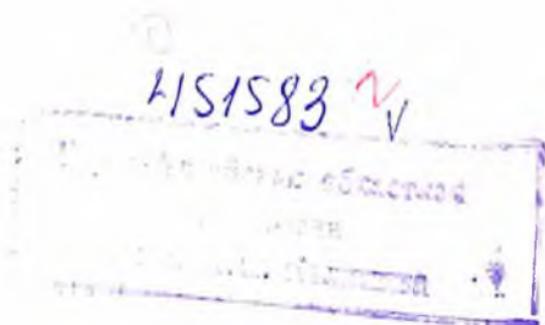
Творческую манеру известного алтайского поэта Аржана Адарова отличает искренность и внимательное отношение к жизни, любовь к родному краю, глубокая заинтересованность в нравственном совершенствовании человека.

4702070000—209

А _____ 394—85

ББК 84. Алт7

083(02)—85

Художник ДМИТРИЙ ЦИРИН

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1985 г.

На берегах
Катуни

Я — СОЛОВЕЙ АЛТАЯ

Этот кедр высокий и могучий,
Головой касающийся тучи,
Девяносто у него ветвей.
Полны ветви шелеста и света,
Я качаюсь на одной из веток,
Маленький алтайский соловей.

Я пою — пусть слышат иль не слышат,
Все равно ведь горло песней дышит,
Я живой и, стало быть, — пою.
Я пою о горах и долинах,
Я пою о косяках гусиных —
Обо всем, что есть в моем краю.

Мой Алтай, мой дорогой, мой вечный,
Многолесный он и многоречный.
Он недаром назван золотым.
Далеко мне видно с веток кедра:
Видны выси мне и видны недра
И гудящий новостроек дым.

А еще я вижу с этих веток,
Как стоит под деревом мой предок
И слезятся у него глаза.
Все, что он прошел, я понимаю.
Все, что было, песней поминаю,
Было ведро, и была гроза.

Мой народ, доверчивый, сердечный,
Простодушный, ласковый, беспечный,
Многих мудрых мудрецов мудрей.
Пусть ему не сыпали отличья.
Он как я. Он — птичка-невеличка,
Маленький алтайский соловей.

Но стоит душа его высоко,
Выше горных ручейков истока,
Выше белоснежных всех вершин.
Радуюсь высокой этой доле,
Мучаюсь от незабытой боли
И горжусь всем тем, что он свершил.

Так вот, торжествуя и печальась,
Я пою, на почести не зарясь,
Маленький алтайский соловей.
Счастлив лишь одним: что ветви кедра
Подарили мне светло и щедро
Эту песнь о родине моей.

КАК СТЕПНЫХ КОНЕЙ...

Вспоминается мне начало начал...
В этот город, сложенный из камней,
Я табун своих диких стихов примчал —
Необъезженных, диких алтайских коней.

Или я хотел с безрассудством юнца,
Чтоб весь мир поклонился моим стихам?
Крепко сидя на потной спине жеребца,
Въехать неким Аттилой в священный храм?

Но среди хрусталя и мраморных плит
Убежала Муза прочь от меня,
Ибо нес я с собою не розы, не мирт —
Пряный дух ковыля и пену коня.

Я такие песни привез из степей!
Только был непонятен их древний язык,
И смеялся мир над песней моей,
Этот мудрый мир книгочеев и книг.

Вспоминаю тебя, Тверской бульвар!
Как под тенью твоей мой пыл поостыл,
И я понял свой дар как ненужный дар —
И свои табуны прочь отпустил.

И я думал, что буду во всем походить
На парней гениальных, на весь наш курс.
Повторить, превзойти, но сперва повторить:
В этом — так мне казалось — секрет искусств.

Бог ты мой, танцевал я и вальс, и фокстрот,
По паркету блестящему лихо скользил
И, забыв о той, кто в горах меня ждет,
Я у Музы чужой вдохновенья просил.

Но тебя, институт, и тебя, Москва,
Все же я с благодарностью вспомню не раз,
И учителей наших золотые слова,
Указавшие путь на далекий Парнас.

Если знал бы я, наивный юнец,
На какую жизнь себя обреку,
Я тебя, мой взмыленный жеребец,
За поводья рванул бы на всем скаку...

Я сказал бы: «Замри, мой скакун степной,
Путь поэта — слишком нелегкий путь...»
Но поэзии ветер гудит надо мной,
И уже нельзя назад повернуть.

Если знал бы я, если знал бы я...
Где ты, полная ветром грива коня?
Где пастушеская Муза моя,
Одарившая сердцем и словом меня?

Посреди высокой древней страны
Песнь слагала она с незапамятных лет,
И пылили мимо нее табуны,
Уходившие покорять белый свет.

И звучал наш древний, великий язык,
И слагался напев высоких стихов,
И с алтайских скал, с этих каменных книг,
Не смогла стереть его длань веков.

Я гляжу стихам-табунам моим вслед,
Сам я их седлал, сам я их подковал.
Не сумеют они покорить белый свет,
Но взойдут еще на один перевал.

ОЙМОН

Люди Алтая
Вселенной не делят,
Им ведь хватает
Того, чем владеют!
Благословенная
Испокон
Наша вселенная —
Наш Оймон!

Силой оружия
Пишут историю...
Нашу жемчужную
Территорию —
Было нас мало —
Мы не спасли.
Горе настало
Для нашей земли.

Бились с врагами
В черных ночах,
Оберегали
Родимый очаг,
Веря: удастся
Нам оберечь
Нашу алтайскую
Древнюю речь.

Голодовали,
И бедовали,
И покидали
Родимые дали,

А на Алтае
Коршун жирел.
Разве когда-нибудь
Нас он жалел?

Только Советы
И Ленин смогли
Вывести к свету
Алтайцев из мглы,
И расцветает
С этих времен
Гордость Алтая —
Древний Оймон.

Рерих, наверное,
Видел весь мир,
А вот и Рериха
Край наш пленил,
Он рисовал наш прекрасный
Оймон!
...Пусть же не гаснет
Дружбы огонь!

Пусть же покинет
Землю вражда,
Пусть над долиной
Светит всегда
Чистое небо,
Ясная даль,
Белый от снега
Славный Алтай!

РОДИНА

Родина, милая родина,
Ты, как любовь, одна.
Мною тебе все отдано
С гордостью и сполна.
Родина, славная родина,
Знаю, что без тебя
Напрочь была б обобрана
Жизнь моя и судьба.
Нету другой мне родины,
Нет, как любви другой,
Быть хочу похороненным
Только в земле родной.
Весь я сроднился с родиной,
С ней одолел беду,
Рос вместе с ней и строил с ней,
Веря в ее звезду.
И по ее степям,
И по ее горам,
И по ее снегам —
Где только мной не пройдено!
И никаким врагам
Я тебя не отдам,
Родина, гордая родина!
Ты, как любовь, одна, дорогая страна,
Родина, моя родина!
И во все времена
Мне дорога видна:
Ты — звезда путеводная!
Родина и любовь —
Две вас, и с вами вновь
Сила моя утроена!
Счастлив я, что дана
Мне, как любовь, одна,
Только одна родина.

ПЕСНИ ВОДОПАДОВ

В Катунском ущелье — селенье Тюнгур.
«Тюнгур» по-алтайски — «бубен».
Стоит над ущельем тяжелый гул,
Катунь бьет в скалу как в бубен.

В Тюнгуре старых друзей свело,
Всю ночь мы пили и пели.
И было ущелье для песен мало,
И песни к звездам летели.

Алтайская песня гудит как река,
Стонет, как сосны под ветром.
Она — несмолкающий пережат,
Она — вовеки бессмертна.

Я вышел на берег в лунную ночь,
Прислушиваюсь — не понимаю:
То ли волны поют, как люди точь-в-точь,
То ли люди реке подпевают.

А волны бегут, серебрясь под луной,
А горы — на страже вечной,
И весь мой Алтай передо мной,
Бессмертный и бесконечный.

И вот предо мною образ возник,
Как ясное сновиденье:
Я вижу — блестят наконечники пик,
Бесшумно коней движенье.

Я вижу высокий синий курган,
Костер у подножья пляшет.
И вижу я, как идет по рукам
Вина круговая чаша.

И говорят: «Жив наш народ,
Мирный, крепкий, богатый.
Он те же самые песни поет,
Что пели и мы когда-то.
Только лица счастливей у них,
Только дома богаче...»

И снова седлают коней своих,
И кони над степью скачут.
А может, это не кони, а дым,
Облака и туманы?..

И я возвращаюсь к друзьям своим,
Вхожу в аил пятигранный.
Сажусь у веселого очага
И слушаю песни снова,
В них каждая нота мне дорога,
Любое дорого слово.

Ах, как хорошо этой ночью нам!
Какие счастливые лица!
Косцам, дояркам и чабанам —
Чего им не веселиться!

Они для родной потрудились земли:
Доили, пасли, косили.
Так пусть не смолкает до самой зари
Песня в алтайском аиле!

И песня встает, разметав рукава,
Каждого привечает.
И ей Катунь отвечает: «А-а-а»,
И «у-у-у» — Катунь отвечает...

ШУТОЧНОЕ

С кавказскими поэтами
Сидел я как-то раз.
Они считали гениев,
Воспевших наш Кавказ.
За каждого великого
Провозглашая тост,
Лукаво мне подмигивали:
Что, мол, скажет гость?
Сказать в ответ мне нечего —
Вздыхай тут, не вздыхай:
Никто из наших классиков
Не ездил на Алтай.
Конечно, жаль, что не были!
...Прошли те времена.
Но, может быть, помогут нам
Иные имена?
Недавно побывал у нас
Наш брат Мустай-ака,
Вдруг легкою окажется
Для нас его рука?
Приедут к нам
Мудрец Расул
И пламенный Кайсын,
Чингиз, философ сдержанный,
Манаса славный сын...
Великий Рерих, знавший то,
О чем не знаю я,
Жемчужиною Азии
Назвал мой края.
...И встали дружно,
Как один,
Кавказские друзья,
Поскольку сидя за Алтай
Тост поднимать нельзя!

ДУМЫ НОЧЬЮ В ГОРАХ

Как хороша земля родная наша!
Какая синь! Какая тишь кругом!
Плывет луна — серебряная чаша,
Наполненная теплым молоком.
Лежу, люблюсь трав произрастаньем,
И кажется, что добрая Земля
Ведет беседу с мирозданьем,
Антеннами-усами шевеля.
Я славил мысли дивные победы,
Но в этот час мне — сердцем не солгу! —
Дороже, чем Туманность Андромеды,
Клочок тумана в голубом логоу.
Какая сказка! Волшебство какое!
Как мирно горы высятся во мгле!
Но не забыть и в этот час покоя,
Как беспокойно нынче на земле.
Неужто в черный пепел превратится,
Вселенской жизни подводя итог,
Все — даже эта маленькая птица
И дремлющий доверчиво цветок?
Уж я не молод, пожил я на свете,
Узнал, как жизнь трудна и хороша,
Но входят в мир с доверьем наши дети —
И так за них болит моя душа!
Неужто не сумеем на пределе
Над пропастью нажать на тормоза?..
В ночных горах, на каменной постели
Лежу — и звезды падают в глаза.
Нет, верю: человечество, ты — мудро!
Гляжу с надеждой трепетной вперед:
Жизнь победит, живое — не умрет!
Ну, а пока что — наступает утро...

БЕЛЫМ ОБЛАКОМ ЛЕЧУ...

Белым облаком лечу
Над моим Алтаем!
«Здравствуйте!» — горам кричу,
«Здравствуйте!» — зверям кричу,
Искрометному ключу,
Встречным птичьим стаям.

Манит каждый перевал,
Где бывал и не бывал,
И ложбинки между скал,
И черемух грозди —
На правах большой родни
Все к себе зовут они,
Предлагают: «Отдохни!» —
Приглашают в гости.

Призывают: «Посмотри!
Это здесь богатыри
В дни былые до зари
Пировали щедро,
Это здесь они вросли
По колени в глубь земли,
Вот с того-то и пошли
На Алтае кедры!»

Мы — алтайцы, мало нас,
Только думал я не раз,
Размышляю и сейчас,
Чаще год от года:
Не волшебника ли власть

Превратила в кедры часть
Моего народа?

И,

наверно,

потому,

Только в руки я возьму
Наш тоншур кедровый,—
Слышу,

мнится,

голос твой,

Предок дальний,

кочевой,

Голос песни горловой,
Зов из глуби вековой,
Зов души твоей живой,
Нежной и суровой!

С кедром в дружбе мы живем,
«Хлебным деревом» зовем
Мы его недаром.

Если в чаще слышу я
Топоры —

страдаю я,

Все мне кажется,

друзья,

Что короче жизнь моя
С каждым их ударом...

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

Не опьяняя новизной
Привычного труда,
Вернулись в сердце с той весной
Прошедшие года.

И в свете нынешнего дня,
Под синью высоты,
Они окликнули меня,
Спросили: «Счастлив ты?»

Я глянул в прошлое, во тьму,
Лицом к истокам встал,
Что было свято мне! Кому
Я душу доверял?

Кого я искренне любил?
Что значила молва?
Быть может, путь мой ложным был,
Случайными слова?

О детство! В шелестенье трав
Далекая весна,—
Цветка на склоне не примяв,
Ко мне спешит она.

Да! В те года я счастлив был,
А сытым не бывал,
С травой рос, с туманом плыл
И с птицей распевал.

Потом?.. Дорога... Институт...
Мой буйный май любви!..
Не думал — годы пробегут,
Промчатся — не зови...

Превратила в кедровую часть
Моего народа?

И,
наверно,
потому,
Только в руки я возьму
Наш тоншур кедровый,—
Слышу,
мнится,
голос твой,
Предок дальний,
кочевой,
Голос песни горловой,
Зов из глубины вековой,
Зов души твоей живой,
Нежной и суровой!

С кедром в дружбе мы живем,
«Хлебным деревом» зовем
Мы его недаром.
Если в чаще слышу я
Топоры —
страдаю я,
Все мне кажется,
друзья,
Что короче жизнь моя
С каждым их ударом...

ВЕСЕННИЕ ДУМЫ

Не опьяняя новизной
Привычного труда,
Вернулись в сердце с той весной
Прошедшие года.

И в свете нынешнего дня,
Под синью высоты,
Они окликнули меня,
Спросили: «Счастлив ты?»

Я глянул в прошлое, во тьму,
Лицом к истокам встал,
Что было свято мне! Кому
Я душу доверял?

Кого я искренне любил?
Что значила молва?
Быть может, путь мой ложным был,
Случайными слова?

О детство! В шелестенье трав
Далекая весна,—
Цветка на склоне не примяв,
Ко мне спешит она.

Да! В те года я счастлив был,
А сытым не бывал,
С травкою рос, с туманом плыл
И с птицей распевал.

Потом?.. Дорога... Институт...
Мой буйный май любви!..
Не думал — годы пробегут,
Промчатся — не зови...

Не знаю, прав ли я бывал,
Но честен был мой труд,
Я петь умел, но умолкал —
Пускай друзья поют.

Я, чтобы их нетвердый стих
Уверенней звучал,
Своих тревог, забот своих
Совсем не замечал.

Да, я, расчету вопреки,
С друзьями щедрым был,
Но жгут они черновики,
Где след моих чернил.

И верной помощи сейчас,
Как слабости, стыдясь,
Идут по мне они, борясь
За славу или власть.

Поэзия! Отдайся ей,
Душа, гори в стихах,
Ведь все, что сделал для друзей, —
Не более чем прах!

Им будет воздано сполна,
А ты — в тени, забыт.
Но как мне быть с душой? Она
Чужой бедой болит!

Что делать, коль душа чиста
И доброты полна,
И высоты иной, чем та,
Не ведает она?!

Что темной подлости раба
Святым считать ты мог —

Не убивайся:
Жизнь слепа
Бывает, как щенок.

Ты ничего не уступил.
Ты только тверже стал.
Ты пошлой славы не купил,
Ты чести не продал...

Не свой карман и свой живот,
Не пост — моя печаль,
Хочу, чтобы меня народ
От труса отличал,
От подлеца. И лишь о том
Я говорю с тобой,
Ведь не за славой и рублем
Отцы шагнули в бой:

За Родину — отца и мать,
За вечную любовь.
Готов за это жизнь отдать,
Пролить и пот, и кровь!..

А счастлив, нет ли — не понять,
Не ведаю, прости.
Но встать бессильному, поднять
Упавшего в пути, помочь идущему — я рад.
Он труден, первый шаг.
И я не требую наград,
Не ожидаю благ.

Наверное, я счастлив. Но печально на душе,
Проходят годы, не дано ничто вернуть уже.
Не то печаль, что ты не прав,
Полсердца отколов,
А то печаль, что шелест трав
Бессмертней наших слов.

Не знаю, прав ли я бывал,
Но честен был мой труд,
Я петь умел, но умолкал —
Пускай друзья поют.

Я, чтобы их нетвердый стих
Уверенней звучал,
Своих тревог, забот своих
Совсем не замечал.

Да, я, расчёту вопреки,
С друзьями щедрым был,
Но жгут они черновики,
Где след моих чернил.

И верной помощи сейчас,
Как слабости, стыдясь,
Идут по мне они, борясь
За славу или власть.

Поэзия! Отдайся ей,
Душа, гори в стихах,
Ведь все, что сделал для друзей, —
Не более чем прах!

Им будет воздано сполна,
А ты — в тени, забыт.
Но как мне быть с душой? Она
Чужой бедой болит!

Что делать, коль душа чиста
И доброты полна,
И высоты иной, чем та,
Не ведает она?!

Что темной подлости раба
Святым считать ты мог —

Не убивайся:
Жизнь слепа
Бывает, как щенок.

Ты ничего не уступил.
Ты только тверже стал.
Ты пошлой славы не купил,
Ты чести не продал...

Не свой карман и свой живот,
Не пост — моя печаль,
Хочу, чтобы меня народ
От труса отличал,
От подлеца. И лишь о том
Я говорю с тобой,
Ведь не за славой и рублем
Отцы шагнули в бой:

За Родину — отца и мать,
За вечную любовь.
Готов за это жизнь отдать,
Пролить и пот, и кровь!..

А счастлив, нет ли — не понять,
Не ведаю, прости.
Но встать бессильному, поднять
Упавшего в пути, помочь идущему — я рад.
Он труден, первый шаг.
И я не требую наград,
Не ожидаю благ.

Наверное, я счастлив. Но печально на душе,
Проходят годы, не дано ничто вернуть уже,
Не то печаль, что ты не прав,
Полсердца отколов,
А то печаль, что шелест трав
Бессмертней наших слов.

Встречают песнями рассвет
Звонкоголосые пичуги,
И обещает много лет
Кукушка каждому в округе.

Но этого ты не услышишь...

В лугах зеленая трава
Под ветром клонится веселым,
Ветвями машут деревья,
Как бы стремясь взлететь над долом.

Но этого ты не увидишь...

— Зачем ты, сын, ушел от нас? —
Рыдает мать, причитая.
И слезы катятся из глаз
На синие цветы Алтая.

Но ты их там не ощущаешь...

И твой отец, седой старик,
Впервые в жизни слез не прячет.
Он весь осунулся, поник
И горько, безутешно плачет.

Но ты об этом не узнаешь...

Ведь все живут, все жить хотят,
Все любят жизнь с такою силой!
И даже старцы не спешат

С холодной встретиться могилой.

А что с тобой случилось, милый?..

Дохнет весенний ветерок,
И оживет природа снова.
Потянется к цветку цветок
Под сводом утра золотого.

Лишь твоего не будет слова...

Могильный холм. Над ним, скорбя,
Громады горные теснятся...
Нет, как ни трудно без тебя,
А надо жить, любить, смеяться.

Ведь жизни надо продолжаться...

• • •

Эркемену

Жизнь не игра — я знаю точно:
Удач в ней меньше, чем потерь...
Поэтому над каждой строчкой
Помучайся и попотей.

Таланта у тебя с лихвою,
Невпроворот и через край,
Мир для тебя что луг весною,
Где радости хоть отбавляй.

Считаешь, труд ничуть не нужен,
К чему зазря себя томить?
Бери всю груду слов-жемчужин,
Нанизывай их все на нить.

Но кто в поэзию допущен
Без мук, страданий и трудов?
(Обмолвился об этом Пушкин,
А он-то выше всех богов!)

Страданье просветляет разум,
И Музу средь предсмертных мук
Недаром умолял Некрасов
Простить ему неверный звук.

Какая ж тут забава-шутка?!
Прошел Шевченко крестный путь.

И Лермонтову у Машука
Навылет прострелили грудь.

Поэзия не терпит барства,
Бежит от суеты сует.
Тут жизнь отдать или не браться,
А выбора другого нет.

Ужели не поймет читатель,
Где жизнь взаправду, где игра?..
А мы не молодые, кстати,
Раздумий подошла пора.

Я, как преступника к галере,
К бумаге приковал себя,
В поэзию как в счастье верю,
Да встретиться с ней не судьба...

И все равно жду этой встречи,
Не сплю какую ночь подряд;
А вдруг ее услышу речи,
А вдруг ее замечу взгляд!

Чем выше дар, тем суд суровей.
Ты этот дар не проболтай,
Себя — с костями, с кожей, с кровью —
Отдай, как жертву, на алтарь...

Ты весь чудесных звуков полон,
Которых я не слышу. Пусть.

Зато я истово упорен,
Уверен — своего добьюсь.

Когда мне — помнишь? — было худо,
Ты был мне помощь и броня,
А вот сегодня почему-то
Взял рассердился на меня.

Зачем же нам с тобой равняться,
Чей выше жизненный успех,
Когда превыше наше братство
Всех денег и успехов всех.

Тебе талант был дан высокий,
Так устремляйся в вышину!
Тогда я снизу, издалека,
На славу на твою взгляну.

• • •

Ну что за жизнь без встречи, без дороги?
Поехали, поехали, мой друг!
Ты что сидишь, нахмуренный и строгий?
С тоскою озираешься вокруг?
А где же та, что ждет за поворотом?
Ведь оставаясь дома, взаперти,
Не приобщишься к ширям и высотам
И песню не сумеешь обрести.
И все восторги, боли и тревоги
Не овладеют сердцем никогда...

Ну что за жизнь без встречи, без дороги,
И как уныло тянутся года..
Настанет день, и кто тебе поверит,
Что ты когда-то чуток был и смел.

Дорога песней на душу повеет,
И ты поймешь, что все же уцелел
Среди занятий суетных и вздорных,
Среди хлопот ненужных и пустых.

Рукой подать — на перевалах горных
Тебя все дожидается твой стих.
Спеши туда, страдай и увлекайся,
Коль сможешь — в женских потони глазах,
Ведь пишут на наречии алтайском
Не зависть, не обида и не страх.
Не жди наград, не требуй звонкой славы,
Одна награда — горные цветы.
И скажет каждый пусть тогда по праву,
Что был поэтом и остался ты.

КОНИ

Убегая от погони,
Закусивши удила,
Мчались огненные кони,
Кровь шахтерская текла.
Мчались кони удалые,
И, влюбленные в мечту,
Гибли парни молодые в восемнадцатом году.
Только белую заставу
Не прорвать, не обогнуть...
Не дошли до Туркестана,
Но нашли в бессмертье путь.
Кони огненной породы,
Как колосья, полегли...
Захлебнулись пулеметы
И бойцам не помогли. Около села Тюнгура
Уж который год подряд
Сухов¹, каменный и хмурый,
Из разведки ждет ребят.
Ждет все дни и ждет все ночи,
Каменный сжимает рот,
Словно все прорваться хочет
Он на Туркестанский фронт.
Командир отряда Сухов
Продолжать готов борьбу
И тревожным ловит слухом
Орудийную пальбу.
...По граниту пробегая,
Промельк солнечный сверкнул,
И вокруг цветы Алтая тихо встали в караул.

¹ Сухов Петр Федорович (1884—1918) — командир красногвардейского отряда шахтеров. Его отряд совершил героический переход через горный Алтай. Около села Тюнгур отряд попал в засаду и погиб. Сухов был расстрелян белогвардейцами.

КЕДР

На вершине Алтая
Кедр качали ветра.
У него золотая,
Словно солнце,
Кора.
Он стройней всех и выше
В этих горных лесах,
У него пропасть шишек
Голубых на ветвях.
Влез на ветку мальчонка,
Постреленок-пострел,
Заливался он звонко,
Солнце тронуть хотел.
День июньский был долог
И сиял чистотой,
И лился меж иголок,
Словно дождь золотой.

А под кедром мужчина
Возлежал меж цветов,
Улыбался он сыну,
Сам нестарых годов,
В самой жизненной силе...

Но назавтра везде
Ветры заголосили,
Что Россия в беде.
У платформы,
Рыдая,
Загудел паровоз
И мужчину с Алтая
Сразу к фронту повез.

Путь прямой у солдата —
Из вагона в окоп!
...Замолчит канонада,
Он вздохнет глубоко,
А бывает,
Задремлет
Под внезапную тишь —
И он снова под кедром,
А на кедре — малыш...

Мины падали,
Были,
Били не наугад,
И в атаку впервые
Не поднялся солдат,
Не увидел сигнала
Трех зеленых ракет,—
Раненый,
Умирал он...
И шумел над ним кедр.
Тот же самый, алтайский,
Средь высокой травы,
В память силой солдатской
Неизменной любви
Вызванный перед смертью...
И на кедре — малец,
И смеется он сверху:
«Здесь я, здесь я, отец!»

И солдату помстилось,
Что войны больше нет.
Как последняя милость
Зашумел над ним кедр.
«Не умру я...» — подумал,

Встрече с деревом рад,
И не понял,
Что умер.
А ведь умер солдат...
Порыжевшей шинелью
Весь накрыт,
С головой,
Он остался в траншее,
Молодой, молодой,
Беззаветно и щедро
Жизнь отдавший свою...

Но солдатские кедры
Остаются в строю.
Кедр — солдата-алтайца
Гордость,
Слава и жизнь,—
Выше гор поднимайся,
В небо синее рвись!
Не согнет тебя ветер,
Ты с достоинством стой,
Как бессмертья свидетель
И его часовой.

. . .

Неуклюжий и неловкий,
Не в ладу с самим собой,
Сын ушел в моей обновке
Встретить первую любовь.
Отчего-то целый вечер
Было мне невмоготу,
Будто это я навстречу
Неизвестности иду.
Но ведь все пути-дороги
Мной исхожены, поди,
Ожиданья и тревоги
Все остались позади.
Даже жар воспоминаний
О печалях ранних дней,
Сердца не испепеляя,
Тлеет в памяти моей.
Жил, боролся, колобродил.
А чего, скажи, достиг?
Длинной жизнь была, а вроде
Уместилась в малый миг.
Так не торопись, мой мальчик,
Кулаки судьбы тверды,
Раньше наберись, мой мальчик,
Мужества и доброты.

ПРАВ ЛИ МУДРЫЙ?..

«Если спит певец,
Спит его народ».
Так изрек мудрец,
Прав ли мудрый тот?

Если б спал поэт,
Из глубин веков
Не дошел бы свет
Песен и стихов.

И народ не спал,
А не то бы как
Он бессмертным стал
В песнях и стихах?

Наши письма
У подножья скал
Не во время сна
Он ведь начертал!

Как бы мог сберечь,
Если спать привык,
Золотую речь,
Древний наш язык?

Нефертити к нам
Не пришла б тогда,
Мог Омар Хайям
Сгинуть без следа...

...Сыплет белый снег,
Полночь у дверей.
Целый мир во сне,
Кроме матерей:

Ночи напролет
Малышам поют,
И бессмертье ждет
Их бессонный труд.

Ведь из песен их,
Где мечта жива,
Пушкин брал в свой стих
Жемчуга-слова.

Жизнь, поэт, воспой,
Воспаряй в зенит
И не спи душой,
Сердце ведь не спит,

Правду жгучих слов
Зароняй в сердца,
Чтоб народ готов
Слушать был певца.

«Если спит певец,
Спит его народ».
Так изрек мудрец,
Врет тот мудрый, врет!..

СТРАННЫЙ СОН

Снилось мне, будто Рерих
В дверь мою тихо вошел.
Сутру из древней книги
Ночью он мне читал.

Он мне показывал горы,
Цепь фиолетовых гор,
Духа Алтай-Гималаев,
Старца с седой бородой.

Вдруг все исчезло; я вижу —
Льды ломает Катунь,
И, как струны топшура,
Серебряные провода
Натянуты над Катунью,
И словно чья-то рука
Струны перебирает,
А я по льдинам бегу.
В правой руке винтовка,
А льдины встают навстречу,
И так далеко до берега
(Кажется, это Тюнгур).

В ранних сумерках просыпаюсь,
Рассказываю маме:
«Мне снилось — я шел с винтовкой,
И человек великий
Мне во сне повстречался
И говорил со мной».

И мне отвечает мама:
«Винтовка в руке означает,
Что дух твой мужествен, крепок,
Что честь с тобой неразлучна,
А больше не знаю, сынок...»

Что сон? Блуждание духа,
Прочитанных книг отзвук,
Слова, произнесенные
В глубинах древних веков.

Мне снятся предания, сказки
И дух Алтай-Гималаев,
Старец седобородый...
Иль это Рериха тень?

Ты здесь проходил по ущельям,
Скрывался в траве с головою,
И письма алтайцев
С тобой говорили внятно.

Сумел ты весь мир объехать,
Ты знал связь времен и народов,
Николай Константинович Рерих,
Седобородый старец.

И лик Алтай-Гималаев
Явил на холстах ты миру,
И, веря в бессмертье людское,
Ты звал к добру всю планету.

И я над твоею книгой
Склоняюсь с благоговеньем,
И говорит со мною
Бессмертная мудрость жизни.

ЛЮБОВЬ

Моей любовью полон Алтай —
Долины, вершины, весь горный край.
Радостью реки моей полны,
От первой волны до поздней волны.
Моей любовью небо полно,
От звезд моих светлым стало оно.
Ведь звезды — узоры любви моей.
Свети, мое небо, и не тускней!
Моей любовью полны цветы,
Почва, трава, деревья, кусты,
Еще полны они волшебства,
Поскольку любовь моя такова.
Словно магнит, родная земля,
Ты притягиваешь меня.
Счастьем полна душа и чиста,
Благословляю родные места.
Камень любой на этой земле
Полон любовью и дорог мне.
Наклонюсь над ним и к нему
Губы горячие я прижму —
И услышу говор лесов,
Шелест травы и шепот цветов,
И пронзит мое сердце вновь
Моего народа любовь.
Голос милой издалека
Я услышу наверняка.
Полон любовью весь белый свет,
И сдается, что смерти нет.
Буду жить опять, буду петь опять
И всегда по родине тосковать.

ПОЭЗИИ СЕСТРА

Оттого, что ты жива,
Звезды блещут ярче,
Несказаннее слова
И объятья жарче.

Оттого, что ты живешь,
Небеса синее,
Гонче ветер, звонче дождь,
Листья веселее.

Словно ты — чудесный свет,
И при этом свете
Никакой печали нет,
Даже нету смерти!

Ты как песня. Неспроста —
Вся — великолепье! —
Ты манишь, как облака
Над моею степью.

Вся — надежда, вся — любовь,
Светишь, не сгорая!
Оттого-то и с тобой
Счастьем нету края,
Оттого-то за дверьми
Горе, а не в двери...
Оттого друзья верны
И друзьям я верен.

Ты — весна земли моей,
Так цвети и хорошей!

Что тебе печалиться?
Не грусти, пожалуйста.

Вся порыв и вся азарт,
Молодая, юная!
Солнца жар в твоих глазах
И сиянье лунное!

Дочка каменной земли,
Гор алтайских дочка,
О тебе стихи мои,
В них любая строчка
Получила от тебя
Бег, разбег, течение...
И в тебе ее судьба
И предназначенье.

Преклоняюсь пред тобой,
Передать стараясь
Через муку, через боль
Всю земную радость.

Ты — как жизнь и как игра,
Ты — восторг и тайна,
Ты — поэзии сестра,
Девушка алтайка!

ВЫСОТА

*Памяти
Лазаря Кокышева*

На могиле убитого друга
Я поставил красный гранит.
Пусть покой убитого друга
Этот камень вечный хранит.

Я стоял угрюмо и немо,
Словно кто-то крикнул «Замри...»,
И высокое тихое небо
Молча слушало мысли мои.

Думал я о прошедшей жизни,
Прочитать пытался свой след.
Так ли наши жили мы жизни? —
У минувших спрашивал лет.

Или зря, всходя на вершины,
Свято верил каждый из нас:
Та дорога, что мы вершили,
На алтайский ведет Парнас...

Пусть другие подымутся выше,
Те, что вслед за мной и тобой,
Мне всего дороже и выше —
Не окольной мы шли тропой!

Приходилось порою туго,
Было много тяжких шагов.
На могиле убитого друга
Проклинаю его врагов!

И опять наступает лето,
И туманы ползут от реки,
И опять к могиле поэта
Прибежали цветы жарки.

Май звенит. Кукушка кукует
Среди медных колонн сосняка.
Не кукует — со мной толкует,
Говорит, что жизнь коротка.

Я не верю вещей пичуге
И вот здесь, встречая зарю,
Говорю об убитом друге —
Не о нем, а с ним говорю!

Как ты яростно жил, открыто,
Сколько песней тронул сердец!
Под багряной плитой гранита
Умолкает любой певец...

Смолк певец — не смолкает песня,
Повторяют ее слова
Горы, рвущиеся в поднебесье,
Реки, лес, дорога, трава...

СНЕГ СРЕДИ ЛЕТА

Прилетели гуси белые,
Сели на вершины гор.
Только то не гуси белые —
Снег свой расстелил ковер.

По ущелью сизокрылая
Стая с гоготом летит.
Нет, не стая сизокрылая —
Речка горная кипит.

Прилетели песни странные,
Обступили, увели...
Только то не песни странные —
Водопад гремит вдали.

Будут даты и события,
Годы выстроятся в строй,
Всё тусклее, всё размытее
Будет виден образ твой.

Но заводы почернелые
И расцветший буланат —
Ничего я не поделаю —
Поведут меня назад

В этот снег, среди лета выпавший,
Продержавшийся полдня,
В этот взгляд, всю душу выпивший
И не видящий меня...

Я И СНЕГИРЕК

Однажды зимой прилетел снегирек
Прямо к окну моему.
Смотрел сквозь стекло, как спросить хотел:
«Что пишешь ты, не пойму».

Похожи, видно, строчки мои
На строчки его следов.
Ну что же, рад я тебе, браток,
И все объяснить готов.

А снегирек скок-поскок у окна
И клювом в стекло стук-стук.
Быть может, у птиц морзянка своя...
Что ты хочешь сказать мне, друг?

Вот так, написав свой стишок под окном,
Вспорхнул он и улетел.
Он моих слов разобрать не смог,
Я его понять не сумел.

Но долго я у окна стоял.
О чем я думал? О ком?
И прыгало сердце по белым снегам
Оранжевым снегирьком.

МАМА ПОИТ ЯГНЕНКА

Моя мама не видела золота,
Ей не снилось и в снах это чудо,
Но сегодня
На стол наш старый
Золотую ставлю посуду.
Пусть сиянием золотым
Озарится наша избенка,
Когда будем из чашки поить
Молоком сироту-ягненка.

Подойди, малышка, попей.
Пусть испуг твои ножки не сводит.
Тот живой, кто из золота пьет, —
Ведь не зря говорят в народе.

А мы живы!
Мы столько бед
Миновали,
Мы всё испытали.
Вот за этот холодный металл
Мы и мучились, и умирали.

Скатерть стираная на столе,
Деда ели на ней и внуки.
О как нежно гладят ее
Мамины усталые руки!
Я на скатерть долго смотрю.

Вижу — там, на краю, заплата.
Это — старая скатерть,
Она
Подороже серебра и злата.

В чашку налито молоко —
В дорогую такую чашку!

Мама ласково говорит:
«На, попей молочка, бедняжка...»

А потом сидит у окна,
Подперев ладонями голову,
Равнодушно смотрит на стол,
Будто там не золото —
Олово.

Что же дорого?
Солнце, душа,
Белый свет
И синее небо,
Да без жалоб пройти трудный путь,
, а не жить себе на потребу.
Что же дорого?
Есть свой хлеб,
Дорогим вещам не молиться,
Даже крошечным счастьем своим
Суметь с другим поделиться.
И не клясться отчизне в любви —
Это чувство слов громких не терпит.
Ты склонись к полевому цветку
И вдохни его запах терпкий.

Что же золото?
На столе
Золотая посуда искрится.
Под столом ягненок уснул.
Ему, сытому, сладко спится.
У окна моя мама сидит,
Вспоминает былое время.
Осторожно кладет лунный свет
Пальцы легкие ей на темя.

ВЕРШИНА ТУУКАЙА

Вершина Туукайа
С утра меня манит,
И песня, не смолкая,
В душе моей звенит.
И майские соцветья
Подмигивают мне:
Мол, хорошо на свете,
Отлично на земле.
Легла роса густая
На листья и траву,
И истина простая
Открылась наяву.
Увещевают маки,
Алея, как заря:
«В обиде и во мраке
Ты пребывал зазря.
Ведь поздно или рано —
Как там ни тяжела,—
А все ж любая рана
Сама бы зажила».
Вершина Туукайа,
Ты в облачном дыму.
Я облака толкаю
По склону твоему.
Вокруг теснятся кручи,
Алтайские хребты,
Они поэта учат
Отваге высоты:
«Давай трудись без спеха
За совесть и за страх,
И отзовется эхо
В горах, лесах, сердцах!
Ведь красота какая!
И весь Алтай вокруг!»
Вершина Туукайа
Велит: «Работай, друг!»

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Внуково. Прощанье. Сыплет с неба
Теплый снег или холодный дождь...
В автокаре средь дождя и снега
Ты один в ночную тьму идешь.

Самолет поднялся, громыхая,
Снегу и дождю наперерез;
Огоньками красными мигая,
Отсалютовал и вмиг исчез.

Не в салоне, не среди народа
Саймыч милый оказался вдруг,—
Напоследок в трюме самолета
В цинковом гробу лежит мой друг.

Мы, друзья, решили меж собою:
Надо, чтоб вернулся он домой,
Сосны пусть шумят над ним зимою,
Окружают пусть цветы весной.

Там, в горах, где с песнею ходил он,
Где работал, женщин целовал,
Пусть лежит... И над его могилой
Люди скажут добрые слова.

Он тоску не выносил, а скуку
Прогонял улыбкой прочь,
Каждому протягивал он руку,
Каждому надеялся помочь.

Вспоминаю, как недавно, Саймыч,
Мы в столице встретились с тобой,
Как внезапно потеплело за ночь,
И поздравил ты меня с весной.

Ты любил Москву, ты под Москвою
В сорок первом ранен был году.
Сыплет снег. Гляжу на снег с тоскою,
Словно все еще чего-то жду.

Мокрый снег, как в забытии, глотаю
И отчаянно гляжу в зенит,
Словно бы в столицу вновь с Алтая
Саймыч долгожданный прилетит.

Может, я напрасно сердце мучу,
Почему — не приложу ума,—
Все же умирает самый лучший,
И порой сильнее света тьма?

Жил с азартом и дружил с азартом,
Был душою самый молодой,
А теперь, подстреленный инфарктом,
Догорел падучею звездой.

ХОТЬ ПРОХОДЯТ ГОДЫ...

Хоть проходят годы,
Радостен удел:
Мне ведь жить охота
Ради добрых дел.

Ошибался часто —
Хоть реви, хоть плачь! —
Но зато не хвастал
Посреди удач.
А вот в дни печали
Или маеты
Снова расцветали
На лугах цветы,
Бушевали краски,
И опять был мил
Этот светлый, майский,
Обновленный мир.

Друг-товарищ, глянь же
В голубую высь,
Как влюблялся раньше,
Заново влюбись.
Или наша юность
Больше не жива?
Сникла, повинуюсь
Силе естества?

Вспоминаю дом наш,
Опустелый дом.
А как славно, помнишь,
Прежде было в нем?
Помнишь, в светлом зале
В праздничные дни
Девушки плясали?

Где теперь они?
Там одну девчонку
Крепко я любил...
Почему же звонкий
Дом теперь уныл
И плывет сквозь годы,
Вереницы лет,
Утлым пароходом,
А команды нет?
Он плывет упреком,
Старый интернат,
И глазницы окон
В душу мне глядят...

Пусть из дальней дали,
Из других широт,
Юность на свиданье
Больше не придет,
Потому что юность
Не сродни любви.
(Та придет, волнуясь,
Только позови!)
Завлечет, как в омут,
Майская луна,
Снова от черемух
Будет ночь пьяна,
Зашумят, как волны,
Травы и цветы,
Как когда-то полны
Тайны и мечты,
А еще -- надежды...
И хоть ты в летах,
Будет все как прежде,
Ну, почти что так...

• • •

Немало вы горя узнали,
А все же, ему вопреки,
Сегодня, как в самом начале,
Вы мужественны и крепки.
Четыре немислимых года
С какими боями прошли
И сколько фашистского сброда
Прогнали вы с нашей земли!
Кровь, пролитая за Отчизну,
Святая — считает народ.
В сердцах благодарных и чистых
Ваш подвиг вовек не умрет.
И в послевоенные годы
Не все хорошо было сплошь,
Но вы, пересилив невзгоды,
Воспитывали молодежь.
Ей тоже непросто сначала
Бывало тягаться с судьбой,
И все же она отвечала
Любовью на вашу любовь.
В преклонный вступающий возраст
Седой и бывалый солдат
Приветствует новую поросль,
Подбадривает ребят.
За многие реки и горы
Далеко отправился я.
И может, услышу не скоро,
Как дышит родная земля.
По родине сердце томится,
О, как далеко до нее!
Так пусть же домчится, как птица,
К вам доброе слово мое!

ДАЖЕ ДРУГУ

По ржаному полю бежала,
Намокала росой юбчонка,
В свежей зелени кофта белела,
И смеялась ты звонко-звонко.

Ты откуда бежишь мне навстречу?
То ль оттуда, что отоснилось?
То ль из песен Роберта Бернса?
То ли вправду жизнь повторилась?

Ты окончила десять классов,
Из Москвы я приехал на лето
И немного нос задираю
(Так, считаю, к лицу поэту).

Ах, какой нам мир открывался!
Как хлестали нас ветки упруго!
Лес любили мы, горы, небо
И, конечно, тайком, друг друга.

Ты была всех красивей в школе,
Все влюблялись в тебя непременно,
На уроках писали записки,
Ты рвала их на переменах.

Друг в любви мне своей открылся,
Говорил, что не спит ночами,
Что одно лишь на свете видит:
Две косички твоих за плечами.

И я стал говорить о друге,
Как живет он одной тобою,
Намекал, что в Москве я встретил...
Но кричало сердце от боли!

И, прижавши сердце рукою,
Врал, что я другой очарован,
И — мной Пушкин владел в то лето —
С Натали сравнил Гончаровой.

На меня исподлобья, молча
Натали степная взглянула.
То ль речная вода на ресницах,
То ли что-то другое блеснуло.

«За тобой я пошла б на край света,
Сквозь жару, сквозь ливень и вьюгу,
Но любовь отдавать не надо
Даже самому лучшему другу».

Так она мне печально сказала.
И ушла. И не возвратилась.
Не помог своему я другу,
Потому что любовь — не милость.

Потому что о ней не просят,
Не выклянчивают, не молят.
Потому что любовь — свободна
И подвластна своей лишь воле.

Если ты человек, для друга
Ничего ты не пожалеешь,
Жизни даже отдать не жалко.
Но любви отдавать не смеешь.

• • •

Есть в стихах моих гулевая
Лирика. Но не будь строга.
Ты ведь знаешь: река любая
Начинается с родника.
Хлынут паводковые воды,
И под них берега уйдут.
Очумелые от свободы,
Реки пенятся, в скалы бьют.
Но весенний паводок схлынет,
И река, слегка погуляв,
Снова станет чистой и синей,
Обретет свой исконный нрав.
Увлеченья мои что пена;
Закружусь, захмелев слегка...
А любовь к тебе неизменна
И чиста, как вода родника.
Потому-то черты красавиц
Тают в памяти, точно снег,
И люблю, и опять влюбляюсь
Я в тебя, лишь в одну из всех.
Ну, а если в стихах и в песнях
Объясняюсь я им в любви,
То поверь мне — признаюсь честно —
В них я вижу черты твои.
Не ругай же меня за это,
Ведь поэт — как весной река,
И совсем нелегко поэта
Втиснуть в узкие берега.
Сын поэзии, сын свободы,
Для покоя я не готов,
И стихи, как вешние воды,
Не желают знать берегов.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Золотисто-голубая
Над Алтаем высь,
И цветы, изнемогая,
С небом обнялись.

Мы с тобою в этот поздний
И последний час
В оторопи — и лишь звезды
Понимают нас.

Деревца, влюбленных вроде,
Жмутся возле скал,
И туман кусты смородин
Бурно заласкал.

Обхватились ветка с веткой,
Как рука с рукой,
Окропившись самой светлой
Горною росой.

Нынче рядом я с тобою,
Но ведь я и ты —
Словно небо голубое
И в горах цветы.

Ту немислимую пропасть
Разве перейдешь?
И отсюда наша робость,
Оторопь и дрожь.

Ты не сделала навстречу
Мне последний шаг,
Лишь накинул я на плечи
На твои пиджак.

Этой полночью закрою
Душу на засов
И не повторю с мольбою
Самых главных слов.

Ты залиvisto хохочешь,
Словно жизнь смешна,
Но и ты ведь этой ночью
Тоже смущена.

Думаешь, не замечаю,
Что не невзначай
И душа твоя в печали,
И в глазах печаль...

Счастья в этом смехе нету,
В нем наверняка
Вместо солнечного света
Лунная тоска.

Так скорее с небосвода
Уходи, луна,
Уплывай, моя забота
И моя вина!..

Незадолго до рассвета
Ты навеки прочь
Улетишь — и только эта
Нам осталась ночь.

Напоследок ты мне руку
Протяни сама,
Чтобы перенес разлуку,
Не сошел с ума,
Чтоб, как небо, над тобою
Я поднялся впредь,

Чтоб с восторгом и любовью
На тебя смотреть.

За горами, за годами
На любой тропе
Буду вечно благодарен,
Милая, тебе.

На высоком перевале
Ночью голубой
Вновь припомню, как молчали
Долго мы с тобой.

И всегда, везде, повсюду,
Даже в смертный час
Смех печальный помнить буду
И смятенье глаз.
Вспомню, как прощались трудно,
Но зато без слез...

Над Алтаем встало утро
И не видно звезд.
Так прощай же, дорогая,
Справлюсь как-нибудь...
И опять мне песнь Алтая
Наполняет грудь.

. . .
В этом Самом Великом Городе
Я впервые в жизни моей...
Как велик он и как он холоден!..
Сколько запертых в нем дверей.

Спят гостиницы, а я — мимо!
Рестораны едят — я голоден.
Как швейцары неумолимы
В этом Самом Великом Городе!

Вот проходит последний поезд,
А в метро нельзя ночевать,
Затянул я потуже пояс,
На вокзал поплелся опять.

Люди двигались, в ноги дуло,
Ночь была сыра и темна,
И среди вокзального гула
Снилась мне моя сторона,
Где коровы жуют солому,
Где асфальтовых нет дорог...
Где откроют двери любому,
Если он устал и продрог.

К девственности
девятому
небу

ГОЛОС

В те былые времена
Возвращаюсь я опять,
В ту избушку в два окна
Вновь хочу я постучать.

Сколько раз из темноты
Выходил я к ней зимой,
Слышал голос: «Это ты?»
Дальше — тише: «Милый мой!..»

Косы дивной черноты,
На плечах — платок с каймой,
Все шептала: «Это ты?»
Повторяла: «Милый мой!..»

Шел я к счастью напрямик,
Молод был, и потому
Слишком быстро я привык,
Видно, к счастью своему.

По весне, топча цветы,
Шел к тебе я как домой,
Знал, что спросишь: «Это ты?»
Знал, что скажешь: «Милый мой!..»

И наказан был сполна:
Постучался как-то раз,
А за дверью тишина,
И — ни слов твоих, ни глаз.

Может, было все лишь сон?
Может, не было тебя?
И стоял я, потрясен,
Шапку молча теребя.

И весенние листы
Зашептались надо мной,
Показалось: «Это ты?»
Показалось: «Милый мой!..»

С той поры повсюду мне
Ветер, дождик и трава
Повторяют в тишине
Эти вечные слова.

Ветки трогают лицо,
Узнают мои черты,
Взят березками в кольцо,
Снова слышу: «Это ты?»

У воды шумят кусты,
Я склоняюсь над водой,
Слышу голос: «Это ты?»
Стал седым ты, милый мой?»

И, поникнув головой,
Сам не знаю я уже:
То ль, как птица, голос твой
Свил гнездо в моей душе.

То ли в шорохе ветров,
Ночью и при свете дня
Из неведомых миров
Окликаешь ты меня?

* * *

Юный ветер нараспашку
Синим ливнем хлещет.
И подол твоей рубашки
Как крыло трепещет.

Сердце из груди как птица
К небу так и взмыло б!
И не веришь, что родится
Человек бескрылым.

Ветер, молодость, бессмертье!
Бесконечно время.
Бесконечно солнце светит.
Бесконечна темень.

Первая страница книги —
Поле, горы, воды.
Только миги, миги, миги,
А не годы, годы.

И ты мыслями не занят,
Что мгновенья минут.
И цветком ты видишь камень
Тот, что в спину кинут...

• • •
Восторги юношеских лет,
Влюбленность в целый мир...
Причин пока для грусти нет,
И жизнь — беспечный пир.

Луга — прохладные ковры,
А мы лишь женихи,
И кажется нам до поры:
Легко писать стихи.

Легко до звезд нам долететь —
И тут нам повезло!
И стоит только захотеть —
Исчезнет в мире зло.

Когда же отрезвили нас
Холодные ветра,
Когда увидеть без прикрас
Себя пришла пора,

Не опечалилась душа:
Она оставит след,
Любимой Родине служа,
За мир держа ответ.

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Опять смотрю в минувший день я:
Сложны истории пути,
Добра и зла переплетенья
Попробуй, смертный, расплети!

Сужденья наши, пересуды
В тупик зайдут еще не раз.
Лишь у всевидящего Будды
Есть, говорили, третий глаз.

И видит Будда этим глазом
Сквозь преходящие года
Все то, чего наш бедный разум
Не постигает никогда.

Но бог молчит! И только зыбко,
Как будто солнце на листах,
Всезнания теплится улыбка —
Таинственная — на устах.

А мы живем давно без бога,—
Кого же спросим в наши дни?
Земля и звезды знают много,
Но молчаливы и они.

Не все мне ясно и поныне,
Я это честно признаю,
Но Революции святыню
Сомнениям не отдаю.

Не раз, не только в дни былые,
Но и недавно, и вчера,
Пытались оборотни злые
Пригреться у ее костра.

И, прикрываясь красным цветом,
Вершили черные дела.
Я не могу забыть об этом,
Шлифуя строчки у стола.

И, как бы ни было мне больно,
Не уклонюсь, мои друзья:
О чем бы ни писал — невольно
Пишу Историю и я.

Пишу, не веря громким фразам,
Отвергнув пышные слова,
И что мне Будда с третьим глазом,
Бесстрастным оком божества!

На правду и неправду века,
Перед которым я в долгу,
Пристрастным взором человека
Смотрю. Иначе — не могу!

...И пил я колдовское зелье,
Неистовствовал, как шаман.
Средь песен, шуток и веселья
Я невзначай задел Коран.

Аллах акбар! Прости мне это,
Что я неловко поступил,
Что я над верой Магомета
Неосторожно пошутил.

Пусть не найдет меня расплата
За несколько неловких фраз.
К законам страшным шариата
Не прибегай на этот раз.

Ведь я дикарь, ведь я язычник,
Молюсь я солнцу и словам,
Молюсь я шелестенью листьев
И рубаи твоим, Хайям.

Я говорю — доньше светит
Нам Улугбекова звезда,
А вот его убийцы... Эти
Покрыты мраком навсегда.

И смотрит непогасшим взором
В нас Рудаки — в нем жизнь сама,

А очи выклевавший ворон —
Без имени, там только тьма.

Кто очи погасил поэта
И кто ученого убил?
Ведь я-то знаю, друг мой, это
И ты, мой друг, не позабыл.

А я дикарь, огнепоклонник,
Не мусульманин, не буддист.
Давай же головы мы склоним
Над родником, что вечно чист.

Поклонимся огню — он старше
Любой удачи и беды.
Давай с вином поднимем чаши
В честь жизнедательной воды!

Давай поклонимся Светилу,
Дающему тепло и свет,
Земле, что нас с тобой вскормила,
Единственной на целый свет.

Споем молитву в честь Свободы —
Она прекрасней всех богов,
За то, чтоб жили все народы,
Не зная тяжести оков.

Я солнце подниму как бубен,
Ударю в золотое дно,

И искры людям сыпать будет
Неумолкаемо оно.

Как чашу с молоком холодным,
Я подниму луну в руках,
Чтоб напоить детей голодных
На всех пяти материках.

Знакомы долгие мы годы,
Так что тебе моя вина?
Коль ты Хайямовой породы,
То наливай скорей вина.

И выпьем по его примеру —
К нам присоединится он —
За ту единственную Веру,
За веру в братство всех племен.

А если пустота кармана
Помехой станет кутежу,
То ты заложишь том Корана,
А я свой бубен заложу.

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Ты расправь, корабль мой, крылья,
Полети над облаками,
Над границами, морями,
Странами, материками!

И причаль к земле далекой,
К той земле, где жил когда-то
Внук Нокомис, сын Веноны,
Благородный Гайавата.

Почему мне на Алтае —
Наконец понять мне надо —
Нежный голос Миннегати
Слышен в шуме водопада?

Почему я удивился,
С книжкой старой познакомясь:
Как на мать мою похожа
Престарелая Нокомис?!

Как Нокомис, мать учила,
Наклоняясь к изголовью:
«Будь всегда с твоим народом,
С ним ты связан общей кровью!»

Как Нокомис, мать внушала
Мне, тогда еще ребенку:
«Подрастешь — не надо, милый,
В жены брать иноплеменку!»

Только был уже я, видно,
Сыном времени иного
И жену, как Гайавата,
Взял из племени иного...

И искры людям сыпать будет
Неумолкаемо оно.

Как чашу с молоком холодным,
Я подниму луну в руках,
Чтоб напоить детей голодных
На всех пяти материках.

Знакомы долгие мы годы,
Так что тебе моя вина?
Коль ты Хайямовой породы,
То наливай скорей вина.

И выпьем по его примеру —
К нам присоединится он —
За ту единственную Веру,
За веру в братство всех племен.

А если пустота кармана
Помехой станет кутежу,
То ты заложишь том Корана,
А я свой бубен заложу.

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Ты расправь, корабль мой, крылья,
Полети над облаками,
Над границами, морями,
Странами, материками!

И причаль к земле далекой,
К той земле, где жил когда-то
Внук Нокомис, сын Веноны,
Благородный Гайавата.

Почему мне на Алтае —
Наконец понять мне надо —
Нежный голос Миннегати
Слышен в шуме водопада?

Почему я удивился,
С книжкой старой познакомься:
Как на мать мою похожа
Престарелая Нокомис?!

Как Нокомис, мать учила,
Наклоняясь к изголовью:
«Будь всегда с твоим народом,
С ним ты связан общей кровью!»

Как Нокомис, мать внушала
Мне, тогда еще ребенку:
«Подрастешь — не надо, милый,
В жены брать иноплеменку!»

Только был уже я, видно,
Сыном времени иного
И жену, как Гайавата,
Взял из племени иного...

Но в стране за океаном
Отыщу ль я нынче брата,
Или только небоскребы
Давят землю Гайаваты?

Над великим Гитчи-Гюми,
Над бегущими волнами
Различу ль сквозь дым заводов
Огонек в его вигваме?

Протяни ж скорей мне руки,
Выйди, брат, ко мне навстречу!
Крепким дружеским пожатьем
На пожатие отвечу!

По дорогам Гайаваты
Мы с тобой в одной пироге
Поплывем, как на Алтае,
Через бурные пороги.

Будем в заводи глядеться
И, скуласты, смуглокожи,
Будем вместе удивляться:
«Неспроста мы так похожи!»

Будем слышать мы преданья
О геройстве и отваге,
Сказки мудрые Нокомис,
Песни стройной Миннегати...

Но летит корабль волшебный
Без меня. Лети как птица!
Вслед ему смотрю с надеждой:
Может, с гостем возвратится?

МИТИКО

*После просмотра японской кинокартины
«Две любимые».*

С твердью каменной споря,
Бьет о скалы прибой.
Мы у синего моря
Снова вместе с тобой.

О Митико! Над нами
Пронесутся года.
Только образ мой память
Сохранит навсегда.

Машет в море далеком
Белой гривой волна,
Немигающим оком
Смотрит с неба луна.

И страна-то иная,
И другие цветы...
Но откуда ж, родная,
Так знакома мне ты?

Эта смуглая кожа...
И волос этих мгла...
До чего же похожа
Ты на ту, что была!

Грустью сердце наполнил
Свет улыбки твоей.
Этот свет мне напомнил
Об ушедшей — о ней.

Точно так же стояла
И смотрела в глаза,
Точно так же сияла
На ресницах слеза...

Слышу смех ее звонкий,
Вижу ласковый взгляд...
Нет той милой девчонки,
Не вернется назад.

Но она не исчезла,
Я ее узнаю.
Ах, зачем ты воскресла
Не в родимом краю!

Будут алые зори,
Предраассветная тишь...
Ты по берегу моря
Снова в сон мой бежишь.

Возвращайся, как птица
В день весны золотой,
О родная сестрица
Славной девочки той!

Пусть горит негасимо
Пламя нашей любви.
Возродясь в Хиросиме,
Вечно в мире живи!

С голубого Алтая
Я пришлю свой привет,—
Ты у моря, родная,
Улыбнешься в ответ.

ЖЕЛАНИЕ

Сердце, из груди
Выйди, стань огнем!
Горы освети,
Словно солнце днем!

Пламя вихрь взметет,
Ночь сойдет на нет,
Поспешит народ
На тепло и свет.

И, как в книге тайн,
Я в глазах прочту
Скрытые всегда
Мысли и мечту.

И услышу вдруг,
Как седой слепец,
При пожатье рук
Голоса сердец.

При моем огне
Разговор пойдет,
И откроет мне
Душу мой народ.

Где слова найду,
Чтоб ему помочь?
Как его беду
Прогоню я прочь?

Сердце, разгорись
Ради всех людей,
Освети им жизнь
И весь мрак развей!

. . .

Наколдовала бы,
наворожила,
Морем бескрайним меня окружила,—
Переплыву я и сотню морей
Ради любви моей.

Если бы стала тюремщицей злою,
Спрятала бы за крепостною стеною,—
Что крепостная стена пред ней,
Пред любовью моей!

Если бы смертью грозить ты мне стала,
Сталь и огонь мне навстречу б послала,—
Я бы прошел сквозь тыщу огней
Ради любви моей.

Ради любви моей горькой,
счастливой,
Верящей клятве правдивой и лживой,
Испепеляющей,
как сухостей...
Ради любви моей.

ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОД

И в дожде, и в цветах
Деревянный город,
И сиренью пропах
Деревянный город.

А на мостовой
Деревянной — солнце,
А над синевой
Облако пасется.

А деревья хотят
Улететь в небо...
Сколько лет я подряд
В городе том не был?

Вечно времени нет...
(А куда пропало?)
Повидал целый свет,
И все еще мало.

И хотя любой труд
По душе и в радость,
Да вот годы идут,
И подступит старость.

Голубая мечта
Станет бескрылой,
Жизнь погонит тогда
В хвост ее, в гриву...

Жадность, зависть и спесь
Сглазят твой разум,
И с высоких небес
Свалишься наземь.

Что ж, тяни жизнь свою,
Обрастай жиром.
А мечта где? В краю
Недостижимом.

Нет, не верю, что жизнь
И мечта в розни.
Жизнь идет тоже ввысь
Через все козни.

Снится мне по весне
Снова мой город.
Мчится юность ко мне,
Распахнув ворот.

«Отдавайся мечте! —
Требует сердце. —
К муке и клевете
Не притерпеться.

Возвращайся назад,
В нежную юность,
Будешь снова крылат», —
Шепчет, волнуясь.

Крыльев нет у меня,
Но зато добыт
Мною с первого дня
Неплохой опыт!

Крыльев нет, есть любовь!
Вот и я вправе
Взмыть в простор голубой,
Как в мечте — в яви!

* * *

Каменистая земля
Твой обнимет прах,
И скалистых гор семья
Встанет на часах.
Мало спал ты до сих пор,
А теперь уснул.
И надежен синих гор
Вечный караул.
Небеса дрожат в пальбе,
Но не пушки бьют —
То весенний гром тебе
Отдает салют.
Все цветы твоей земли —
Ты в цветах по грудь —
Проводить тебя пришли
В твой последний путь.
...И медали не звенят,
Как в былые дни, —
На подушке красной в ряд
Замерли они.

Ты до Эльбы дошагал,
Одолеl войну,
Ты американцу жал
Руку в ту весну.
И казалось вам двоим:
Мир всего прочней
И уже непобедим
До скончанья дней.

Где американец тот?
Жив ли ветеран
Или умер от невзгод
И от старых ран?

...А разбитая война
Силы набралась
И, как никогда, страшна:
У нее сейчас
Мегатоннами апломб,
Ни на грамм — ума,
У нее ракет и бомб
Водородных тьма.
Уж о жертвах ни к чему
Речи заводить,—
Человечеству всему
Быть или не быть...

Но звучали как набат
И сейчас звучат
Те слова, что ты, солдат,
Сорок лет назад
На победном берегу
От души сказал,
И ведь руку не врагу
Ты тогда пожал.

Покрывала времена
Подозрений мгла,
И холодная война
На земле была.
Но звучали те слова
И теперь звучат:
— Миру мир! Земля жива! —
...Но в гробу солдат.

«А ему бы в звездолет! —
Вдруг подумал я.—
Он в бессмертие идет,
В звездные края.
Не в могиле этой тлеть

Надо бы ему —
По галактике лететь,
Разрывая тьму.
И тогда б для всех для нас
В небе навсегда
Среди прежних звезд зажглась
Новая звезда.
И под той звездой твоей
В полуночный час
Шли бы косяки коней,
Ты их спас и пас.
И, взойдя на перевал,
Каждый бы косяк
Средь небесных тел искал,
Где твой саркофаг.
В лошадиных бы глазах
Пряталась печаль,
А ты там,
 на небесах,
Мчал бы всё и мчал
Миллионы лет подряд
В космосе,
 во мгле...»

Жаль,
 не пожил ты,
 солдат,
Дольше на земле.

ПОЛУЗАБЫТЫЕ МОТИВЫ

*Общежитие студентов Литературного института
было когда-то в городке писателей
в Переделкине.*

Переделкинские сосны.
Силуэты старых дач.
Миновали зимы,
 весны,
Выцвел осени кумач.

Миновали годы,
 люди,
И хозяев прежних нет,
И других сегодня будит
Переделкинский рассвет.

Вижу я,
 прищурив веки,
Те, бывшие времена,
Как тома библиотеки,
Те читаю имена

Том за томом,
 ряд за рядом,
Никому не изменяю...
Вот Чуковский хитрым взглядом
Смотрит прямо на меня.

Вот Тренев, а вот Фадеев,
Вот Хикмет,
 а вот, а вот...
И, над всеми индевея,
Вечность общая плывет.

Вспоминаю голос,
внешность:
И руки Назыма взмах,
И какую-то нездешность
В пастернаковских глазах.

Вспоминаю эти годы —
Общежитское житье,
Чувство голода,
свободы,
Веры в поприще свое.

Никаких тебе сомнений:
Кто ты — Пушкин или Дант.
Каждый в комнате был гений,
В крайнем случае —
талант.

И других не знали бедствий,
Кроме бедствия зимы,
И великое соседство
Не смущало нам умы...

НАРЫНСЕЦЕК

Ты подари мне одно мгновенье, Нарынсецек!
Одну улыбку, как дарят кольца,— на жизнь, на век.
И полетим далеко-далеко вдвоем с тобой
Под синим небом, над степью желтой и голубой.

И мы услышим и посвист ветра, и рокот рек,
И мы увидим разлив черемух по берегам,
И всюду будет твоя улыбка, Нарынсецек,
Твоя улыбка, что так пристала твоим губам.

Гогочут гуси в седом просторе: «Га-га-га!..»
Олень за ланью в тайге подгорной торопит бег,
Весна одела зеленым кружевом все берега,
Зачем глаза твои так потемнели, Нарынсецек?

Здесь Чингисхана стояла юрта в далекий век,—
Не оттого ли тревожно шепчет кругом трава?
Но подари мне свою улыбку, Нарынсецек!
Ведь мрак бессилен, а свет бескраен, а жизнь жива!

Зачем оружие, когда есть дружба и есть любовь?
И жаром сердца растопят люди холодный снег.
Твоя улыбка поможет сладить с бедой любой.
Так подари мне свою улыбку, Нарынсецек!

Как крылья ласточки твои брови, Нарынсецек.
Высок и строен ононский тальник, а ты стройней.
О как глаза твои светят в душу мне из-под век!
Одно мгновенье, а стоит жизни былой моей.

Какое имя — а впрямь из солнца ты создана,
Большого солнца степей монгольских, Нарынсецек.
Во всем, что вижу, твоя улыбка повторена.
Одно мгновенье, как дарят кольца,— на жизнь, навек.

ВОСПОМИНАНИЕ

Лето. Монголия. Смеляков.
Тень по степи ползет облаков.
Жаворонок висит в вышине,
Звук вышивая по тишине.
Сочных тюльпанов пылает пожар.
Тих Смеляков,

угрюм и поджар.

Смотрит и не говорит ничего,
И неуютно мне возле него.
Этот глухой,

чуть надтреснутый бас

Слышал я в этой поездке не раз,
Видел, как слушает он стихи,
Хмурясь, как будто прощая грехи.
Видел с улыбкой его во весь рот —
Значит, поклевку рыба берет.
Что за удача у рыбака
Выудить крупного чебака!

Мы у верховного ламы сидим,
Благоуханный вдыхаем дым,
И предлагает хозяин наш
Терпкий кумыс из серебряных чаш.
Ну а потом угощают нас
Тем,
что покрепче во много раз.

И улыбается Смеляков:
«Что-то я не пойму никак.
Разве закон вашей веры таков,
Что разрешает армянский коньяк?»

Невозмутимо плечами пожав,
Старый ответствует Гомбожав:

«Всякая трапеза хороша,
Если ее пожелает душа.
Будда своей добротою велик...»
И опускает веки старик.

Время ползет отарами с гор,
Медленно движется наш разговор.
Дым благовонный над нами плывет.
Хор отдаленный молитвы поет.

Мудрость веков и безумье веков...
Но разговору подходит конец,
И говорит Ярослав Смеляков:
«Благодарю вас, святой отец!
В вере буддистской не смыслю я,
А вот коньяк отменный у вас...»

Как отогрелась душа моя
После, в гостинице, через час!
Столько читал Ярослав всего:
«Любку», «Маратов», «Признание», «Весну».
Пусть в этих строчках я помяну
Нежность и доброту его!

Бил его жизни неистовый шквал —
Выдержал, сдюжил он, уцелел.
Кем он только не побывал —
Лишь дипломатом быть не умел.

Нет, он не взвесит все «против» и «за» —
Врежет правду прямо в глаза.

Помню: потом,
 через год или два,
Время — зима,
 место — Москва.
Зал ресторанный огни гасил.
Меня Смеляков к себе пригласил.

Как же тебя проклиною я,
Провинциальная глупость моя!
Только и мог в ответ прошептать:
«Мне через час домой улетать».

Вскинул глаза он — как светлый лед —
И зашагал, отвернувшись, прочь.
Пропади пропадом тот самолет,
Та, от Москвы до Алтая, ночь!

Больше нам встретиться не довелось...

Крутится тяжело земная ось.
Время ползет, как отары с гор,
Тень по степи ползет облаков.
Как нам продолжить наш разговор,
Ярослав

Васильич

Смеляков?

ПРОМЕЛЬКНУВШИЕ РИСУНКИ

I

Что за звезда над тобою горит негасимо?
Эта звезда только в японском небе видна.
Век наш двадцатый, зажегший звезду Хиросимы,
Хочешь ли ты, чтоб повсюду пылала она?

Люди — оракулы, знающие не понаслышке,
Не по картинкам и книгам и не по сеансам кино,
Люди, чьи веки покрыты загаром той вспышки,
Значит, нам всем ощутить этот миг суждено?

Значит, мы все станем тенью над пепелищем?
Черной золою нас ветер судьбы унесет?
Значит, планету, как судно с пропоротым днищем,
Жадной волною в мгновение захлестнет?

Здесь, в Нагасаки, как раз в эпицентре взрыва,
Парк насадили.
Стою на одной из аллей.
Руки вздымает к небу статуя Мира —
Молит о мире богов.
И молит людей.

II

Скоро сакура зацветет.
Говорят, весь народ пойдет
Поклоняться цветущей вишне,
Словно это господь всевышний.
Скоро сакура зацветет...

Здесь природу боготворят —
Словно храмы сады стоят.

Как любовно лепят букеты —
Сколько света и сколько цвета!
Здесь природу боготворят...

Волны моря о берег бьют.
Что он хочет сказать, этот гуд?
Что-то хочет поведать море,
То ль о радости, то ль о горе...
Волны моря о берег бьют...

Далека ты, земля моя...
Кверху загнуты крыш края.
Гид-японка прощается с нами,
Долго машем ей вслед руками.
Далека ты, земля моя...

Гид-японка, а знаешь ли ты:
У тебя моей дочки черты.
Ты уходишь, спешишь по делу,
В небе облако красно-бело.
У тебя моей дочки черты...

Украшения храмов пестры,
Пики небоскребов остры.
Люд с работы идет усталый,
Очень юный и очень старый...

III

Легкие, изящные, опрятные
Домики стоят как на смотре.
Всюду иероглифы квадратные —
Ни черта я в них не разберу!

Ох, как стосковался я по нашему!
Досыта я сыт чужой страной.

Сколько ни глазей и ни расспрашивай —
Жизнь-то схоронилась за стеной.

Пусть я за улыбкой этой вежливой
Злобы никогда не замечал, —
Самурайских глоток вопль бешеный
Разве так давно уж отзвучал?

Здесь, я знаю, навсегда запомнили
Тот над Хиросимой самолет.
Только что же к берегам Японии
Атомная лодка пристает?..

IV

Я хочу, чтобы все мы
Жили в мирных домах.
Пусть цветут хризантемы
В твоих крошках-садах.

Пусть кипят твои вёсны,
Очищая сердца.
Пусть шумят твои сосны
Без конца, без конца.

Пусть же меч кровожадный
Будет в землю зарыт.
Пусть журавлик бумажный
Над тобою парит.

V

А я бы сам себе и не поверил,
Что в этот час я буду так грустить.
Так медленно отчаливает берег,
Как будто нас не хочет отпустить.

Красавицы — туристской фирмы сервис—
Поклонами одаривают нас,
И, в искренности их не разуверясь,
Я улыбаюсь им в последний раз.

И мне сказать, с тобой прощаясь, надо,
Что ты необычайно хороша,
Ты — хризантема крошечного сада,
В тебе живет Японии душа.

Наверное, минут пятнадцать хода,
И скроется из глаз твоя страна,
Ее цветы,
Ее земля и воды,
Где корабли плывут и острова.

VI

Долго-долго вслед нашему лайнеру
Ветки сакуры шелестят.
Не загадываю желания,
Чтоб вернуться сюда назад.

Земли разные и наречия,
Но душа-то у нас одна,
И границам не устеречь ее,
Ведь не знает границ она.

Надо, чтобы пушки молчали,
Говорили чтобы сердца,
Чтоб улыбки не покидали
Человеческого лица.

Пусть твоя мне улыбка светит
Через сто земель и морей,
И алтайского кедра ветви
Пусть шумят над крышей твоей.

Тяжело океан вздыхает,
Волны бьют наотмашь, в упор.
Исчезают вдали, исчезают
Силуэты острые гор.

Япония. 1981

СОДЕРЖАНИЕ

НА БЕРЕГАХ КАТУНИ

Я — соловей Алтая. Перевод Е. Храмова	5
Как степных коней... Перевод Е. Храмова	8
Оймон. Перевод Е. Храмова	10
Родина. Перевод Е. Храмова	12
Песни водопадов. Перевод Е. Храмова	13
Шуточное. Перевод М. Акчурина	15
Думы ночью в горах. Перевод И. Фоянкова	16
Белым облаком лечу... Перевод И. Фоянкова	17
Весенние думы. Перевод А. Плитченко	19
«Встречают песнями рассвет...». Перевод Г. Карлунина	22
«Жизнь не игра — я знаю точно...». Перевод Е. Храмова	24
«Ну что за жизнь без встречи, без дороги?..». Перевод Е. Храмова	27
Кони. Перевод Е. Храмова	28
Кедр. Перевод Е. Храмова	29
«Неуклюжий и неловкий...». Перевод Е. Храмова	32
Прав ли мудрый?.. Перевод Е. Храмова	34
Станный сон. Перевод Е. Храмова	36
Любовь. Перевод Е. Храмова	38
Поэзии сестра. Перевод Е. Храмова	39
Высота. Перевод Е. Храмова	41
Снег среди лета. Перевод Е. Храмова	43
Я и снегирек. Перевод Е. Храмова	44
Мама поит ягненка. Перевод Е. Храмова	45
Вершина Туукайа. Перевод Е. Храмова	47
Прощание с другом. Перевод Е. Храмова	48
Хоть проходят годы... Перевод Е. Храмова	50
«Немало вы горя узнали...». Перевод Е. Храмова	52
Даже другу. Перевод Е. Храмова	54
«Есть в стихах моих гулевая...». Перевод Е. Храмова	56
Последняя ночь. Перевод Е. Храмова	57
«В этом Самом Великом Городе...». Перевод Е. Храмова	60

К ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОМУ НЕБУ

Голос. Перевод И. Фоянкова	63
«Юный ветер нараспашку...». Перевод Е. Храмова	65
«Восторг юношеских лет...». Перевод М. Акчурина	66
Третий глаз. Перевод И. Фоянкова	68

«...И пил я колдовское зелье...». Перевод Е. Храмова	70
Мой волшебный корабль. Перевод И. Фоякова	73
Митико. Перевод Г. Карлунина	75
Желание. Перевод Е. Храмова	77
«Наколдовала бы, наворожила...». Перевод Е. Храмова	78
Деревянный город. Перевод Е. Храмова	79
«Каменистая земля...». Перевод Е. Храмова	81
Полузабытые мотивы. Перевод Е. Храмова	84
Нарынсецек. Перевод Е. Храмова	86
Воспоминание. Перевод Е. Храмова	87
Промелькнувшие рисунки. Перевод Е. Храмова	90

Аржан Агаров
(Владимир Ойнчинович)

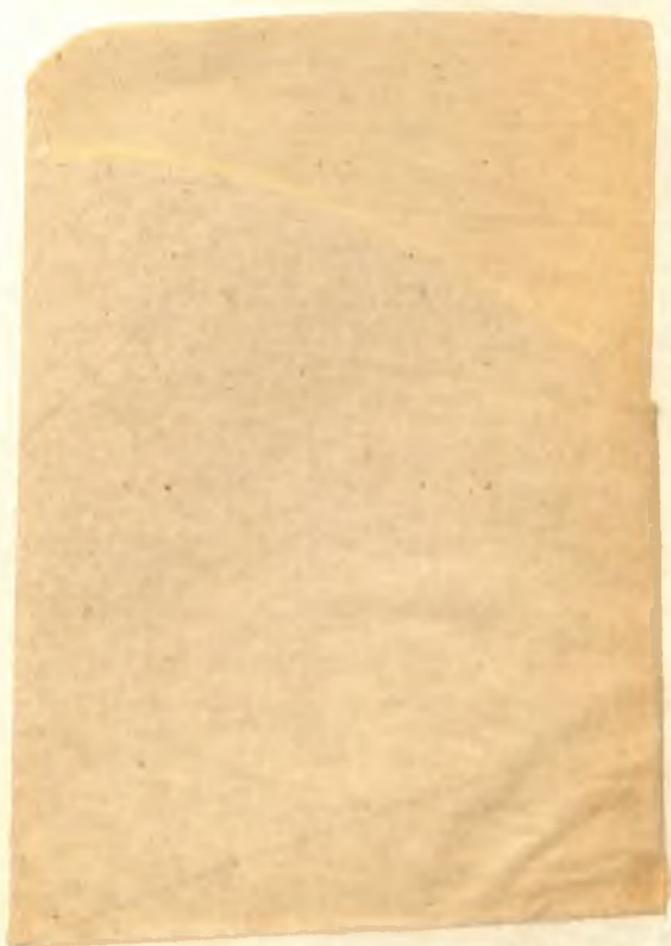
СЛОВО, СКАЗАННОЕ ЛЮДЯМ

М., «Советский писатель», 1985, 96 стр.
План выпуска 1985 г. № 394

Редактор Э. В. Балашов
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор Ф. Г. Шапиро
Корректор М. Б. Шварц

ИБ № 4591

Сдано в набор 02.04.85. Подписано к печати 16.05.85.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага мелованная. Гарнитура
Балтика. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,20. Уч.-изд. л.
3,78. Тираж 10 000 экз. Заказ № 220. Цена 60 к. Ордена
Дружбы народов издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типогра-
фия Союзполиграфпрома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательства, полиграфии и книж-
ной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

60 K.

©